

Андрей СОБОЛЕВ

КРЕПОСТЬ МЕРТВЕЦОВ

не бойся бросить того, кто уже мертв

18+

Андрей Соболев

Крепость мёртвых

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соболев А. А.

Крепость мёртвых / А. А. Соболев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Альтернативная история крепости Ставрополь, что была расположена на Северном Кавказе. Много десятилетий от общественности скрывали правду насчет того, как на самом деле жила, развивалась и погибла эта крепость. А затем была вновь восстановлена и заселена. Однако, благодаря найденному дневнику одного казачьего офицера, многое прояснилось. Например то, что настоящий Ставрополь, это уже второй город.

© Соболев А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ПУТЬ В ПОГИБЕЛЬ

В этом году на землю спустился серый и злой октябрь. Дни его тянулись бесконечно, а ночи были еще более утомительны. С деревянного окошка моей комнатухи тянуло холодом. Накрывшись двумя одеялами, я силялся уснуть, но то и дело просыпался, как будто кто-то будил меня. Среди ночи я садился на кровать и в темноте вслушивался в свист ветра на улице.

Потом я вновь проваливался в сон и вновь просыпался. А когда я, не столько спал, сколько полудремал, в голове у меня проносились давно умершие люди и события восьмилетней давности. Длилось это наваждение целый месяц, терзая меня из ночи в ночь.

В одну из них, помню, когда мне очередной раз привиделся кошмар, я сел за стол и дрожащей рукой налил себе крепкого холодного чая. Его противный и горький вкус все же немного взбадривал. Почему именно сейчас меня стали беспокоить воспоминания, которые, как мне казалось, уже перестали пылать огнем в моем мозгу, а нервы полностью успокоились?

Допив стакан с черно-желтой жидкостью, я налил себе еще один. Многого чего мне пришлось лишиться в жизни больше восьми лет назад, жарким летом того трагического года. Казалось, что потерял я даже больше, чем мог вообразить. Далеко отсюда, в южной стороне, я оставил всю свою жизнь. Допивая второй стакан, я предавался невеселым воспоминаниям.

Тогда я проходил службу надзирателем городской тюрьмы Ставропольской Крепости. Как таковой Крепости уже давно не было. Город, раскинувшийся во все стороны от нее, стремительно разросся. Крепостные стены стали постепенно разрушаться, а некоторое время назад их просто разобрали. Фундаменты их, а так же старых казарм засыпали грунтом.

Вместе с частями крепости было разрушено городское кладбище. На свою беду оно, из-за быстрого роста города, оказалось чуть ли не в самом центре Ставрополя. То есть, на земле, цена на которую подскочила до небес в последнее время. А торговцам нужны площади для своих лавок...

Да и родной ли он для них? Ведь Крепость строилась казаками, а все остальное население приехало намного позже того, как город появился на картах.

Такая же судьба могла ожидать старый деревянный казачий храм, первый в городе, построенный еще теми, кто отбивал с Крепостных стен атаки неприятеля, но Крепость не сдал. После каждой перестрелки эти люди уносили в парадных мундирах, своих павших товарищей на то первое кладбище и хоронили вместе с их боевыми саблями.

Называлось оно Михайловское. А за его чугунным забором гордо возвышались каменные статуи лежащих под ними офицеров, сраженных пулями или изрубленных саблями при защите рубежей города.

Снесли его сразу после того, как весь казачий Второй Степной полк, с развернутыми знаменами, во время обострения войны, выдвинулся из Крепости на свою верную гибель в горы. Тогда казаки разобрали свой старенький деревянный храм и, погрузив на телеги, увезли за собой в вечность. Не суждено было уже не ему поднять свою голову-купол к небу, ни полковым казакам и офицерам исповедоваться в нем и причащаться.

Поднявшись на самый верх суровых гор, где вечно царит камень и лед, истребляющий своим дыханием все живое, где не растет ни одна, даже самая маленькая карликовая сосна, весь его личный состав был атакован неприятелем, изрублен и сброшен вниз с высоких утесов на корм стервятникам.

В городе же осталась, после торжественного и последнего парада казаков, идущих в бессмертие, одна полусотня. Для охраны городской тюрьмы и поддержания правопорядка. Она-то и уцелела, перейдя под юрисдикцию местной жандармерии, спешно набранной из числа бывших крестьян, в руках ранее ничего не державших кроме мотыги.

Руководство города после ухода полка перешло от его командира и, по совместительству, коменданта Крепости – полковника Евгения фон Фильберта, моего дядьки, к гражданскому

губернатору из числа сосланных в наши края бывших чиновников. Говорили, что он, Иннокентий Кошкин, попал сюда за взятки и воровство.

Так вот, сразу после вступления в должность, новый начальник перешел к решительным и, большей частью, безрассудным действиям. Им было создано жандармское ведомство, которое взяло на себя функцию охраны общественного порядка. Казаки от этого были отстранены. За нами осталось только тюрьма.

Дальше пошла перестройка всего, что можно было перестроить, снос всего, что можно, а на самом деле нельзя. Господин Кошкин приглядел участок старого кладбища еще задолго до ухода казаков. Многие горожане часто видели его прогуливавшегося возле Михайловки, как его называли, молча на него любующимся и о чем-то размышляющим.

«Уж не забор ли продать кому хочет?», – настороженно переговаривались между собой старики.

А занимал до своего губернаторства сей господин должность начальника городской бани. Без всякой иронии, могу заверить, что это была одна из самых важных городских должностей. Своеобразный стратегический объект. Посудите сами, в городе стоял полк казаков. В баню их приводили раз в десять дней каждого. Из полковой казны выделялись деньги на мыло, стирку нижнего белья, его покупку, мытье самой бани после и перед приводом каждой сотни. Потому как у каждого подразделения был назначен свой день. А помыть его следовало до обеда, потому что потом начиналось время горожан.

Так вот, бардак здесь царил полный. Что казаки, что горожане, находили при посещении бани ее в довольно-таки, так скажем, неопрятном виде. Всюду валяющиеся мочалки, стоящие мыльные лужи. Выдаваемое рядовым казакам белье всегда было, хоть и чистым, далеко не новым. А бывало и так, что его не всем хватало.

Представьте, заходит сотня, раздевается, сдает грязное белье приемщику в специальное окошко, идет мыться. Выходит, и каждый следует за чистым бельем уже в другое окошко. Не одновременно. Кто раньше, а кто позже. И вот как-то несколько раз последним белья не доставалось. Мужик, что сидел на выдаче, разводил руками и испуганно моргал.

На первый раз шумиху никто поднимать не стал. Выясняли тогда между собой, а может быть, не правильно подавал количество казаков дежурный по гарнизону офицер? Потом, правда, выяснили, что подавал верно. Когда уже разобрались в расположении полка, решили, что произошла ошибка.

Но на второй раз, уже другая сотня не стерпела. Побежали казаки, кто в чем, к начальнику бани с плетками. Хотели высечь, да он выпрыгнул из окна и убежал. Гнаться за ним полуголые не стали. Месяц после этого он прикидывался больным, а его обязанности выполнял заместитель. Тоже так себе человечиска. Звали его Тарас Афанасьевич. Про него поговаривали, что он живет с мальчиком-слугой.

А еще в бане располагалась не плохая, по местным меркам, парная. Опять-таки, по слухам время там постоянно проводил начальник с девицами легкого поведения. Их подвыпившую компанию часто видели выходящей по ночам из бани. А вот нашим офицером попасть туда стоило денег. Речь шла не о приобретении билета, а о мзде Кошкину. Потому как проходили те деньги, естественно, мимо кассы. В общем, все об этом знали, но афишировать не стремились.

Так вот, через неделю после того, как полк покинул Крепость, губернатор собрал на городской площади горожан, построил оставшихся казаков, жандармов, которых было еще тогда три десятка, и сделал несколько заявлений. Во-первых, он снял с казаков обязанности патрулирования городских улиц. Нами это было тогда воспринято, в целом, положительно. Ведь круглые сутки тюрьму охранял казачий десяток. Дежурили – сутки через трое. Плюс, пятый десяток выходил в усиление каждый день, кроме субботы и воскресенья, для органи-

зации свиданий арестантов с родственниками, конвоирования их в городской суд и прочими служебными делами.

Первую неделю после ухода полка, нам приходилось нести службу в таком порядке: в тюрьме дежурят два десятка, меняя друг друга через сутки, пол десятка на конвой, два патрулируют улицы, так же, сутки через сутки, а оставшиеся пол десятка усиливают патрульных в ночное время. Каждую ночь, а днем отдыхают. Было это тяжело. Казаки стали возмущаться.

Кроме того, город объявлялся не гарнизонным, а гражданским. А разница, на самом деле, есть и большая. Тем более, для прифронтовой территории. Но этого следовало ожидать.

Во-вторых, Кошкин обратился к горожанам с такой речью, мол, в городе полно больных и помещений старенькой больницы, она, к слову, располагалась как раз возле кладбища, уже и не хватает. А Ставрополь действительно просто кишел разного рода заразами. На тот момент вся маленькая больничка была забита страдающими от дизентерии.

Губернатор говорил, что уж и больные по ночам бегают по нужде на Михайловку. А его это оскверняет. Да и не хоронят там уже никого давно. Мест за забором нет. Он, надрывающимся голосом, всячески расхваливал последний приют, как он говорил: «наших храбрых защитников», но, уже чуть ли не плача, якобы, сильно сожалея, переходил к тому, что:

«Мы должны с вами со всеми посоветоваться, мы обязаны крепко поразмыслить всем городом над вопросом строительства еще одного корпуса нашей больницы. В другом месте, как только рядом со старым, его возвести нельзя. Врачей не хватает. Что же им постоянно бегать из старого корпуса в новый, который будет находиться «у черта на куличках»?

А выстроить сразу большую больницу, где-нибудь на окраине города, мы не сможем. Таких денег нет. Я выпросил у наместника царя-батюшки скромную сумму. Клянусь, я сделал все что мог, я нижайше кланялся Иафету Робертовичу, да что там, я валялся у него в ногах ради блага Ставрополя, но большей суммы мне не дали».

После этих слов он расплакался, преподнес к лицу носовой платок, но, не вытирая почему-то слезы, а водя им по щекам и подбородку, а в нашем строю поднялся шум. Забыв про команду «смирно», казаки стали оборачиваться друг к другу. Я услышал фразы товарищей типа:

«Уж не кладбище ли хочет снести, сукин сын?», «Кикимора болотная», «Коварный банщик» и подобные этим.

А Кошкин продолжал свой монолог:

«Уж теперь я прям и не знаю, что делать. Пусть город сам решит, как поступить. Но знайте, без еще одного корпуса мы долго не протянем. Зараза однажды вырвется наружу и все мы заразимся. Себя мне не жаль ни сколечко, а вот за ваших детей душа болит.

А если мы все-таки примем совместное решение о переносе кладбища, перезахоронении доблестных казаков и офицеров, то я вам клянусь, что все будет произведено самым благочинным способом. Аккуратно, ничего не теряя. В том же порядке, с теми же памятниками на надгробиях наши покойные защитники лягут на вечный сон в другом месте».

Говоря последние слова, он смотрел на казаков, как будто только к нам и обращался. Хочется сказать, что на Михайловском кладбище были могилы исключительно казачьи. Более никого мы туда не пускали. А когда оно официально закрылось два года назад, мы своих погибших и умерших казаков стали хоронить на общем городском, за Ставрополем.

Оно по размерам уже превосходило Михайловку, хоть и младше было намного. Потому как приезжих с каждым годом становилось все больше. Сюда стремились тысячами, не смотря на прифронтовую зону. Какие-то бродяги, которые здесь становились «уважаемыми горожанами», неудачники, не нашедшие себя в северных городах.

Теперь они разгуливали по городу счастливые и пьяные в компании девиц с яркой косметикой на лице и в вызывающих нарядах. Сюда сотнями каждый год свозили уличных проституток со столицы. С глаз подальше от благочестивого царя.

Сюда ехали беженцы с юга (война громыхла не первое десятилетие), фокусники, проходимцы, фальшивомонетчики, бежавшие от властей. Все были здесь. И я не узнавал столь стремительно меняющегося городского облика.

Стоит ли говорить, что тюрьма, как и больница, тоже была переполнена. И тоже больными. Только нравственно. Большей частью здесь находились не обычные карманники или клеветники. Нет, это был контингент позабористее. А о его наглости я вообще молчу. Представьте, женщина, из-за ревности убившая другую тем, что избив ее, засунула в нее пустую стеклянную бутылку и продолжила неистово пинать, предварительно обув тяжелые сапоги, пока та внутри не разбилась.

Молодой мужичек, по прозвищу Укус, который вместе с пьяными друзьями изнасиловал старушку, забавы ради. Они выпивали ночью возле дома Укуса, а под утро им захотелось «любви и ласки». В это время, на рассвете, пожилая соседка вышла поливать свой палисадник, пока еще не поднялось южное испепеляющее солнце.

Укус с приятелями на нее накинулись, сделали свое дело, убили и прикопали в ее же палисаднике. А на следующую ночь снова напились и, не найдя никого более подходящего, старушку раскопали. И когда не смогли совершить задуманное по причине окаменения бабушки, просто стали издеваться над трупом и громко смеяться. Казачий патруль прибыл на шум как раз в тот момент, когда компания уже практически полностью сняла с трупа несчастной кожу лопатами.

Подобных историй я бы мог рассказать не один десяток. Только стоит ли будоражить умы тех, кто с подобными людьми не сталкивался и даст Бог не столкнется?

Пока в городе стоял наш полк, арестанты вели себя хоть сколько-нибудь послушно. Редко грубили и не кидались драться. А вот после ухода основной массы казаков, они в один миг осмелели. Брань от них стала слышаться каждый день в наш адрес.

«Ушли ваши, – говорили сидельцы, – теперь город наш, а вам здесь не место».

Несколько раз они кинулись было драться на казаков, но получив плетками по спинам притихли. На время. А через какое-то время до Ставрополя дошли новости, что весь наш полк погиб в горах.

Стоит ли говорить о настроениях, в которые погрузились оставшиеся казаки? Это были смешанные чувства скорби, опустошенности и вины. Каждый теперь уже не просто сожалел, что не ушел с полком, нет, теперь каждый просто ненавидел себя за то, что остался. Хотя нас никто не спрашивал. От депрессии, которая обязательно бы одолела каждого из нас, тогда спасло усиленное несение службы. Потонуть в своем горе нам мешало наведение порядка на городских улицах, обеспечения надзора, распорядка времени на тюремных постах и требования от всех соблюдения закона.

Не могу не упомянуть не просто о фактах уже прямого неповиновения нам, что в тюрьме, что в самом городе, а о самых настоящих издевательствах. Арестанты теперь уже в лицо нам смеялись над погибшими нашими товарищами.

«Вас тоже здесь скоро перебьют, вы все опричники, – несло почти с каждой камеры, – думаете, будите безнаказанно над людьми издеваться? У нас друзья в городе. Скоро станут вас убивать. За все ответите».

Должен обмолвиться на счет того, в чем нас обвиняли, все больше и больше, как в тюрьме, так и за ее пределами. У нас строго действовало, еще со времен гарнизона, правило вести себя со всеми, будь то наглый арестант или пьяный уличный грубиян, вежливо. Сила применялась в исключительных случаях. При угрозе нападения на казака, при неподчинении требованиям. Прошу понять, исключительно законным. Или при совершении в эту самую минуту преступления. Все!

А каждый раз, когда она применялась, составлялся рапорт на имя начальника гарнизона. Каждый раз человек, к кому она была применяема, осматривался фельдшером. Теперь же о

применении мы докладывали командиру полусотни сотнику Орищенко. А Иван Никанорович, как его звали, каждый раз тщательно в происшествии разбирался. Практически всегда ругал казаков, грозился к ним самим применить арест.

Но многим мы в городе стали мешать. Многих не устраивали порядки, введенные казаками с начала основания Крепости. Уже успело вырасти целое поколение тех, кто родился в Ставрополе от пришлых людей, но почему-то на полном серьезе считал город своим.

Ситуацию усугублял тот факт, что жен тех казаков, кто был женат, здесь не было. Они все остались в Казачьем краю. А жениться было категорически запрещено начальством. Считалось, что если в Ставрополе будут жена и дети казака, он потеряет сноровку, начнет думать уже не о службе, станет лениться в военных делах, будет отлынивать от походов, стараться не рисковать.

А главное, был один инцидент десять лет назад... Дело в том, что в наших краях есть Крепость Радужная. Так вот, ее казаки были на фронте в тот момент, когда противник обошел наши расположения с фланга и вышел к Радужной, где жили жены и дети казаков ее гарнизона. В самой же Крепости оставался один десяток.

Узнав об этом, казаки из Радужной бросили фронт, накануне наступления, оголив его большую часть, и понеслись в свою крепость спасать родню. В результате наступление провалилось, ушедших спешно заменили оставшимися, растянув силы и еле-еле вообще удержав те свои позиции, которые достались с большим трудом и потерями.

Тогда всю Радужную выселили обратно в Казачий край. А бросивших фронт отправили до конца их дней на каторгу. Гарнизон заменили. Со всех остальных крепостей убрали семейных, если они жили с семьями. Теперь казак приезжал на время своей действительной службы, которая длилась семь лет, служил, а затем возвращался домой. Офицеров старались заменять каждые лет пять-шесть.

Поэтому в Ставрополе не было наших потомков. Не было тех, кто по праву назвал бы город своим. Вместо них это делали дети забулдыг и проституток. Которые вели себя с каждым днем все более и более дерзко.

ПАДЕНИЕ НРАВОВ

В те первые недели после известия о гибели Второго Степного полка, даже произошло какое-то подобие бунта возле стен тюрьмы. Собралась большая пьяная толпа, требующая освободить некоего арестанту Башку. Бунтовщики стали грязно ругаться в адрес казаков и кидать камни в уличные посты, размещенные на крыше тюрьмы.

Сотник Орищенко тщетно ждал помощи от жандармов. Хотя не заметить беспорядков, несколько часов происходящих практически в центре Ставрополя, они не могли. А когда казаки увидели, как жандармский патруль спокойно прошел не в далеке от тюрьмы мимо, достали ружья, вышли на крышу и дали один залп в небо. Затем навели дула на беснующуюся толпу и стали кричать, чтобы та расходилась. Сыпля проклятиями, осаждающие тюрьму подчинились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.